

УДК 930.2(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.03

В. Я. Петрухин

В. Л. ЯНИН И ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ

Аннотация. Статья анализирует концепцию В. Л. Янина о местных новгородских корнях летописной легенды о призвании варягов, о традиционном договоре «ряде» с князьями новгородцев. Концепция основывается на находках в Новгороде деревянных цилиндров – принадлежности местной администрации, сборщиков дани. Традиционное (со времен В. О. Ключевского) представление о норманнском завоевании Восточной Европы, основанное на аналогии с норманнским завоеванием Англии, не вполне соответствует русской традиции ряда.

Ключевые слова: призвание варягов, договор с князем, деревянные цилиндрические пломбы, норманнское завоевание.

Abstract. The article presents an analysis of Yanin's conception of the “local” Novgorod roots of the legend of the calling of the Varangians, about the original treaty – Old Russian “ryad” of princes with the people of Novgorod. This concept is confirmed by archaeological finds on Novgorod estates of wooden cylindrical seals belonging to the original Novgorod administration – collectors of tributes. The traditional (including V. O. Klyuchevsky) idea of the Norman conquest of Eastern Europe, based on analogies with the Norman conquest of England, seems to be significantly different from this concept of the treaty with the princes.

Keywords: calling of the Varangians, treaty with prince, wooden cylindrical seals, Norman conquest.

Валентину Лаврентьевичу Янину всегда свойствен был свежий и остроумный подход к, казалось бы, традиционным и устоявшимся в историографии проблемам. В официозной советской историографии трафаретным стало отношение к легенде о призвании варягов как к тенденциозному сочинительству киевского монаха-летописца. В конце советской эпохи (1982 г.), когда еще отдавалась непременная дань «анти-норманистской» риторике, Янин писал в юбилейной статье (подготовленной вместе с соратником по Новгородской экспедиции Б. А. Колчиным и посвященной 50-летию раскопок в Новгороде):

«В отличие от норманистских теорий, возводящих установление правопорядка на Руси к призванию варяжской династии, мы видим в

истории Новгорода победу традиционной, растущей из местных корней государственности над княжеской, ее большую жизнестойкость и обладание более сильными возможностями» (Колчин, Янин, 1982. С. 112).

«Местные корни» нужно было демонстрировать, и поиски новгородских древностей, синхронных призванию варягов, продолжались наряду с поисками тех традиций государственности, которые возрастили из местных корней. Корни представлялись очевидными уже романтикам XIX в., которые дали новгородскому Городищу наименование «Рюриково». Тщательные раскопки на Городище проводились учеником и последователем В. Л. Янина Е. Н. Носовым. На Городище были обнаружены не только материалы, относящиеся к 860-м гг. (эпохе призвания князей), но и более ранние¹, провоцирующие на романтические ассоциации Городища с центром некоего неизвестного источникам государственного образования, предшествующего летописному вокняжению Рюрика (некоего Русского/Росского каганата). «Конкурентом» Городищу в недавней историографии выступала Ладога, городские напластования которой датируются еще более ранним временем (сер. VIII в.).

Янин был далек от романтических конструкций: он опирался на летописные известия, согласно которым Ладога была «пригородом» Новгорода, где Рюрик, согласно Ипатьевской летописи, остановился на пути в Новгород; летописное известие о том, что князь «срубил» эти города, Янин воспринимал как возведение укреплений (Янин, 2007. С. 205–212).

Примерно так же представлял себе начало русской истории и В. О. Ключевский: «Около половины IX в. дружина балтийских варягов проникла Финским заливом и Волховом к Ильменю и стала брать дань с северных славянских и финских племен. Туземцы, собравшись с силами, прогнали пришельцев и для обороны от их дальнейших нападений наняли партию других варягов, которых звали русью. Укрепившись в обороняемой стране, *нарубив себе «городов»* (курсив везде мой. – В. П.), укрепленных стоянок, наемные сторожа повели себя *завоевателями*. Вот все, что случилось. Факт состоял из двух моментов: из *наемного договора* с иноземцами о внешней обороне и из насильственного захвата власти над туземцами... Идея власти перенесена из второго момента, с почвы силы, в первый, на основу права, и вышла очень недурно комбинированная юридическая постройка начала Русского государства... Сказание о призвании князей, как оно изложено в Повести (Временных лет. – В. П.), совсем не народное предание, не носит на себе его обычных признаков: это – схематическая притча о происхождении государства, приспособленная к пониманию детей школьного возраста» (Ключевский, 1987. С. 155).

---

¹ См. недавний обзор проблематики, связанной с интерпретацией материалов поселения на Городище: Петрухин, 2019.

Столь уничижительная характеристика летописной легенды связана отнюдь не с текстологическими изысканиями, а с презумпцией существования на Руси торговых городов уже в VIII в., к каковому, по Ключевскому, относились клады восточной монеты – свидетельства товаро-денежной экономики. Интерпретация великим историком нумизматических данных была ошибочной – клады появились в Восточной и Северной Европе на рубеже VIII и IX веков, их распространению посвящена, в частности, и классическая работа В. Л. Янина², но исходная ошибка воздействовала на представления Ключевского о начальной русской истории, включая и роль в ней варягов. Ибо, если государственная экономика сформировалась за столетие до летописного призвания варягов, само это событие было попросту незначимым, отражающим один из рядовых набегов норманнов, а не становление государственности. «Водворившись среди восточных славян, Русь стала направлять и расширять торговое движение, которое она здесь застала», – настаивал Ключевский (Ключевский, 1987. С. 142). Этот стереотип оставался самодовлеющим в советской историографии³, не вполне признававшей авторитет Ключевского как буржуазного либерального историка (и вдобавок «норманиста»), но ориентированной на автохтонное развитие славянской государственности до варягов.

Легенда о призвании не вызывала интереса у Ключевского, как «проходной» эпизод, отсюда и упрощенное отношение к вариантам легенды в разных списках: историку важно было подчеркнуть мотивы основания городов и завоевания, поэтому он заинтересованно цитирует Ипатьевскую летопись, не обращая внимание на синтаксис. Так, фраза о Рюрикe, который «сѣде ту (в Новгороде. – В. Л.) княжа и раздая мужемь своим волости и *городы рубити*: овому Польтескъ» и т. д. (Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 14), обнаруживает, что мотив построения городов – вставка. Кроме того, заковыченная историком фраза о призванных князьях, которые стали «города рубить и воевать всюду», принадлежит не начальному летописанию, а позднейшей новгородской летописи (ср. Ключевский, 1987. С. 152; Петрухин, 2019 (а). С. 437). Следуя распространенной теории норманнских завоеваний (и завоевания как формы создания государственности), Ключевский сравнивал морские похо-

---

² См. переиздание книги 1955 г.: Янин, 2009. Впрочем, в предисловии к цитируемому изданию сочинений Ключевского ответственный редактор В. Л. Янин заметил, что выделенные им две денежно-весовые системы ранней Руси соотносятся с двумя ареалами расселения восточных славян – северным (новгородским) и южным (киевским) (см.: Александров, Янин, 1987. С. 28); это не значит, конечно, что эти системы сложились уже в эпоху славянского расселения (с VI в.), хотя исследователи давно обратили внимание на воздействие римских весовых систем уже на праславянскую культуру. Речь идет о древних коммуникациях (включая различные диалекты), объединяющих два древних ареала расселения славян.

³ Отчасти этому стереотипу следует и послесловие В. А. Александрова к цитируемому первому тому сочинений Ключевского (Ключевский, 1987. С. 369–372).

ды викингов на побережье Англии и империи Каролингов с проникновением варягов в Восточную Европу; Б. А. Рыбаков категорически возражал против поверхностных аналогий, справедливо указывая на то, что набеги викингов на континентальные регионы Восточной Европы невозможны (пробраться к Киеву можно было только обманом, как это сделал Вещий Олег – Рыбаков, 1966. С. 488–489).

«Местные корни» новгородской государственности был открыты новгородской экспедицией, итоги этих открытий были сформулированы В. Л. Яниным (в частности, в цитированном Предисловии к изданным им сочинениям Ключевского): новгородские боярские усадьбы открыты уже в напластованиях раннего (для археологии всех русских городов) X века, и сохранялись в фиксируемых археологией границах на протяжении всего средневекового периода, вплоть до потери независимости в 1478 г. Это означало, что власть в Новгороде (и его волости) искони принадлежала не князю, а боярству, опиравшемуся на вечевые традиции города (Александров, Янин, 1987. С. 28–30).

Проблема заключается в том, что появление варяжской дружины на городище фиксируется в IX в., ранее, чем формируются боярские усадьбы на городских концах Новгорода. Но эта проблема – археологическая, относящаяся к формированию всей сети древнерусских городов и сохранности ранних слоев, разрушаемых усадебной застройкой. Существеннее то обстоятельство, что в X в., когда на Городище обнаруживается обильный «элитарный» скандинавский материал, славянская элита (новгородские «бояре») концентрируется поблизости от центра, связанного с княжеской властью. Это, согласно Янину, свидетельствовало о достижении договора – летописного «ряда» с призванными князьями, здесь его точка зрения сближалась с позицией Ключевского (пусть и выраженной не без скепсиса в отношении «призвания»).

Принципиально иной была ситуация на юге: в смоленском Приднепровье скандинавы концентрировались в X в. в Гнёздове – Смоленск формировался в 10 верстах выше по Днепру на холмах противоположного берега (напомню, что Смоленск входил в выделяемую Яниным южнорусскую зону распространения денежно-весовой системы); вокруг Гнёздовского комплекса нет длинных курганов – кривичи не селились вблизи центра княжеской власти. Схожая ситуация наблюдается в Среднем Поднепровье: вокруг дружинного центра в Шестовице нет северянских поселений (см. Петрухин, 2018. С. 461–471). Напомню, что на «киевском» юге, по Янину, отношения с князем не основывались на ряде (хотя южнорусский летописец сохранял в Повести временных лет традицию призвания – «законного» происхождения княжеской власти).

В. Л. Янин продолжал исследование «истоков новгородской государственности», и остроумная интерпретация находок на новгородских усадьбах значительно продвинула эти поиски. Небольшая монография «У истоков новгородской государственности» была посвящена назначению цилиндрических деревянных пломб (несущих знаки мечников –

сборщиков дани и т. п.): они должны были опечатывать мешки с данью мехами. Концентрация пломб на новгородских усадьбах подтверждала справедливость предположения о том, что власть сосредоточивалась в руках бояр Новгорода. Особое значение имеют обнаруженные Яниным аналогии новгородским пломбам на Балтике (Волин) и Атлантике (Дублин, Ирландия – см. Янин, 2001)⁴. Скандинавы принимали активное участие в жизни этих регионов, Повесть временных лет (ПВЛ) включает англов в состав варяжских народов, декор на пломбах находит аналогии в Скандинавии: издатели волинской пломбы (им, как и ирландским коллегам, незнакома работа Янина) считают пломбу подвеской, но замечают при этом, что треугольник, изображенный на пломбе, напоминает «трикветр» – скандинавский знак (Stanislawski, Filipowiak (red.), 2014. S. 320. Рус. 176), демонстрирующий связь с культом Одина, в более широком смысле – магический узел («науз», вполне уместный на пломбе). Кстати, широкий балто-славянский контекст имеют и новгородские деревянные жезлы, функционально связанные, видимо, не с государственной (как пломбы), а с уличанской администрацией (Петрухин, 2019 (б). С. 395–408).

Североевропейский исторический контекст новгородских административных традиций позволяет вернуться к проблеме норманнских завоеваний, самым знаменитым из которых (и обеспеченным разнообразными источниками) было норманнское завоевание Англии в 1066 г. Историческая ситуация после битвы при Гастингсе 14 октября 1066 г. воспринималась как существенный прецедент европейской истории: Макс Вебер, рассматривая механизмы трансформации архаичного «родового» города, отмечал, что победитель в битве – Вильгельм Завоеватель отказался от попытки взять Лондон (хорошо укрепленный, но дававший право на корону) «силой, а добился признания со стороны граждан (лондонского патрициата. – В. П.) путем договора» (Вебер, 2001. С. 397). Англо-саксонская хроника (живописующая опустошительное завоевание, последовавшее «за грехи» англосаксов)⁵ и другие источники конкретизируют деяния норманнского завоевателя Англии: он уже перед битвой построил укрепленный лагерь у гавани в Гастингсе, после победы овладел (без боя) важнейшим портом – Дувром (на ум приходит дуализм Новгорода и Ладоги в ипатьевской версии легенды о призвании). Конечно, армия победителей подошла к Лондону, разграбив окрестности, и окрестные города подчинились Вильгельму, а англо-саксонский уитанагемот (совет патрициев) в Лондоне подтвердил права

---

⁴ В. Л. Янин попросил меня дать рецензию на книгу: см. публикацию рецензии: Петрухин, 2004. Число новгородских цилиндрических пломб возрастет с продолжением раскопок, расширится и ареал северных погостов, имена которых значатся на пломбах: см. Макаров, Носов, Янин, 2014. С. 31–32.

⁵ См. перевод фрагмента о завоевании 1066 г., сделанный и прокомментированный Т. В. Гимомом: Историописание ..., 2011. С. 66–67.

Вильгельма на престол, но тот тянул с ритуалом. Наконец, на Рождество 1066 г. в сопровождении двух епископов отправился в Вестминстер (тогда пригород Лондона) на коронацию⁶. Епископы обратились к собравшейся там толпе на двух языках (!) – французском и англосаксонском – признают ли люди Вильгельма королем. После признания состоялась коронация с клятвой на евангелии охранять духовенство и церковь, править по справедливости, охраняя закон⁷. Утверждая свою власть в Англии, Вильгельм строил в занятых городах земляные замки (ср. де Боуар, 2012. С. 279–292. Дуглас, 2005)⁸.

Не это ли завоевание (и строительство крепостей) имел в виду Ключевский, приводя параллели истории русского призвания варягов? Представления О. Тьерри о норманнском завоевании были широко распространены в отечественной историографии и повлияли (повсюду) на формирование «теории завоевания» как процессе государствообразования (см. Тьерри, 1868; Алпатов, 1985. С. 246–247)⁹. С норманнским завоеванием Англии непосредственно была связана история Древней Руси – дочь потерпевшего поражение при Гастингсе Гарольда Гида стала женой Владимира Мономаха, влиянию оказавшихся на Руси англосаксов приписывается и легенда о призвании варягов (Рыбаков, 1982. С. 464). Влияние англосаксов (и шире – Британских островов) на древнерусскую традицию оказывается, однако, более глубоким хронологически по данным археологии (Енисова, 2002. С. 127–130), и выходящим за пределы варяжской легенды.

Речь идет о дискуссии, развернувшейся ныне вокруг значения летописной денежной единицы *щеляг*: первое упоминание этой единицы связано в ПВЛ с данью, которую присвоил Олег, обосновавшийся в Киеве в 880-е гг. – радимичи «въдаша Ольгови по щълягу, яко же и козаромъ даяху» (ПВЛ. С. 14); второй раз та же дань упоминается уже в рассказе о походе Святослава на вятичей (964 г.), которые сказали: «Козаромъ по щълягу от рала даемъ» (ПВЛ. С. 31)¹⁰. Парадокс заключается

---

⁶ Вильгельм был коронован венцом византийской работы (традиция, распространенная в раннесредневековой Европе, в том числе в Венгрии): Дуглас, 2003. С. 79.

⁷ Ср. изложение событий в книге: де Боуар, 2012; Дуглас, 2005. С. 77–85; анализ источников – Kötner, 1964.

⁸ Первым был деревянный Тауэр в Лондоне. Схожим образом изображает градостроительную деятельность Рюрика Ипатьевская летопись: князь «рубит» города в Ладого и Новгороде. Напомню, впрочем, что новгородское Городище располагалось вне территории «концов»: Вильгельм строил замки внутри самих городов – в Йорке, помимо внутреннего замка на холме, Завоеватель построил второй замок на окраине; норманны смогли удержать там власть во время восстания англосаксов в 1069 г. (де Боуар, 2012. С. 280–281).

⁹ Концепт «завоевания» удерживается в историографии: см. Скрынников, 2000. С. 20, 22.

¹⁰ Так же излагает ситуацию Новгородская первая летопись (Новгородская первая летопись. С. 117).

в том, что эта единица, очевидно соотносящаяся с североευропейским шиллингом (Фасмер, Т. IV. М., 1986. С. 508), характеризует *хазарскую* дань. Это заставляло исследователей прибегать к кабинетным этимологиям, сопоставлять щеляг с шекелем и т. п. К. Цукерман (вслед за М. Б. Свердловым) напомнил о распространении подобных единиц налогообложения в Англии и Скандинавии, решив, что отнесение ее летописцем к хазарской налоговой системе – «шутка» (летописный казус). Критикующий этот подход П. С. Стефанович, опираясь на словарный материал, указал на распространенность этого термина в древнерусской и – шире древнеславянской письменности (ср. Цукерман, 2019. С. 457–482; Стефанович, 2020. С. 202–268). Лингвисты (см. словарь М. Фасмера), однако, давно и определенно демонстрируют путь заимствований этой терминологии: исходный регион лингвистических и др. контактов – Балтика. Оттуда при посредстве древневерхненемецкого проникает в славянский мир обозначение не только шиллинга, но и пфеннига (др.-рус. *пенязь*). Тем же путем проникает к славянам и обозначение героя – *витязя*: его источником оказывается существенное для нашей темы наименование *викинг* (Фасмер, Т. 1. С. 322–323). С тем же регионом связаны и другие схожие германские заимствования, пути распространения которых дискутируются по сей день – *варяги*, *колбяги*, *ятвяги*.

Если воспринимать информацию о дани в щелягах и славян юга Восточной Европы как отражение исторических реалий, придется предполагать использование единиц «северной» денежно-весовой системы (по Янину) на юге. К. Цукерман стремится увязать проникновение «шиллинга» на Русь с конкретным историческим событием – конфликтом с варягами Ярослава в Новгороде в 1016 г., тем более, что система обложения с плуга формируется на севере Европы в XI в. Обращение к текстологии летописи осложняет ситуацию: рассказ о хазарской дани щелягом и последующем походе на хазар является очевидной вставкой в повествование о походе Святослава на вятичей. «Дополнительный» характер известий о хазарах в начальном летописании предполагал уже А. А. Шахматов. Хазарское начало русской истории в летописи относилось, скорее, к предыстории (см. Петрухин, 2010. С. 522–526); историк-летописец должен был конкретизировать рассказ о налогообложении в хазарском ареале, который явно отличался от северного «варяжского», где дань брали мехами – «по бѣлѣи вѣверици», как обозначает дань новгородская летопись (Новгородская первая летопись. С. 106); составитель ПВЛ добавляет, что и хазары дань брали «по бѣлѣи и вѣверици *от дыма*», с полян, северян и вятичей (ПВЛ. С. 12). К данникам Олега летописец прибавляет радимичей, каковым приписывается дань «по щелягу»; очередными хазарскими данниками русских князей стали вятичи, и им также приписывается дань «по щелягу от рала» с конкретизацией единицы налогового обложения.

Создается впечатление, что шиллинг действительно воспринимался как расхожая денежная единица на Руси, и поиск такого рода реалий

на Балтике был актуален для начала русской истории. Их появление (будь-то варяжская легенда, или само имя варягов) не обязательно в духе «исторической школы» увязывать с конкретными выходцами с Балтики (английскими беженцами или наемниками Ярослава). Более существенной представляется та общая тенденция, которую В. Л. Янин обнаруживал в системе данничества на Севере Европы: опираясь на раннюю датировку дублинских пломб (X в.), он предположил «восхождение рассматриваемой особенности новгородского государственного устройства ко времени призвания князя в середине IX в.» (Янин 2001. С. 44)¹¹.

Литература и источники

Александров В. А., Янин В. Л. Предисловие // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 5–32.

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. 476 с.

де Боюар М. Вильгельм Завоеватель / пер. с франц. Е. А. Прониной. СПб.: Евразия, 2012. 368 с.

Вебер М. История хозяйства. Город / пер. с нем. под ред. И. Гревса. М.: Кучково поле, 2001. 576 с.

Дуглас Д. Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1950–1100 / пер. с англ. Е. С. Марничиной. СПб.: Евразия, 2003. 416 с.

Дуглас Д. Вильгельм Завоеватель. Викинг на английском престоле / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2005. 431 с.

Ениосова Н. В. Украшения англо-саксонского и ирландского происхождения на территории Древней Руси // Ладога и Северная Евразия: от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры: материалы чтений памяти Анны Мачинской. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. Т. 6. С. 127–130.

Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. 604 с.

Историописание и историческая мысль западноевропейского средневековья. Книга вторая. СПб.: Нестор-История, 2011. 288 с.

Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. Т. 1. М.: Мысль, 1987.

Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / под ред. Б. А. Колчина и В. Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 3–137.

Макаров Н. А., Носов Е. Н., Янин В. Л. Начало Руси глазами современной археологии // Труды отделения историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2014. С. 17–36.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. ПСРЛ. Т. 3. 720 с.

Петрухин В. Я. Трансконтинентальные связи древней Руси и поход Святослава на хазар // Проблеми давньоруської та середньовічної археології / отв. ред. П. П. Толочко. Київ: Інститут археології НАН України, 2010 (Сер.: Археологія і давня історія України. Вип. 1). С. 522–526.

---

¹¹ Число дублинских «цилиндров» умножается – см.: Lang, 1988. P. 22–25.

- Петрухин В. Я. Рец. на книгу Янин, 2001 // Российская археология. 2004. № 1. С. 173–174.
- Петрухин В. Я. К истории давней дискуссии: Смоленск и Гнёздово // Гнёздовский археологический комплекс: материалы и исследования. Вып. 1 // Труды гос. исторического музея. Вып. 210 / отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018. С. 461–471.
- Петрухин В. Я. Новгородское Городище и Гнёздово: 40 лет полемики // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. С. 93–100.
- Петрухин В. Я. (а) Русь христианская и языческая: историко-археологические очерки. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019. 608 с.
- Петрухин В. Я. (б) Посох Криве-Кривайтиса в балто-славянской перспективе // Балто-славянские исследования XX: сб. науч. тр. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 395–408.
- ПВЛ – Повесть временных лет / подг. текста, пер., ст. и комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, подг. М. Б. Свердлов. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М.: Наука, 1966. С. 476–572.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 591 с.
- Скрынников Р. Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб.: Искусство – СПб, 2000. 462 с.
- Стефанович П. С. Шиллинги на Руси, или «шутки» летописцев // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто: тезисы докладов (материалы конференции). Т. XXXII. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 202–268.
- Тьерри О. История завоевания Англии норманами / под ред. А. Краевского и С. Дудышкина: в 3-х частях: Тип. И. И. Глазунова. СПб., 1868. 363 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986.
- Цукерман К. Английский след в ранней летописи, или Летописец шутит // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 457–482.
- Янин В. Л. У истоков новгородской государственности / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2001. 151 с.
- Янин В. Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности / отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 205–212.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Körner S. The battle of Hastings, England, and Europe: 1035–166. Lund: GWK Gleerups, 1964. 303 p.
- Lang J. T. Viking-Age decorated Wood: A Study of its Ornament and Style. Dublin: Royal Irish Academy, 1988. 102 p.
- Stanislawski B., Filipowiak W. (red.). Wolin wczesnośredniowieczny. Część 2. Warszawa: Wydawnictwo trio, 2014. 459 s.